

Генри Лайон Олди

Рука и зеркало



*Часть сборника
Песни Петера Сълядека
(сборник)*



Хёнингский цикл

Генри Олди

Рука и зеркало

«Автор»

2003

Олди Г. Л.

Рука и зеркало / Г. Л. Олди — «Автор», 2003 — (Хёнингский цикл)

«— Кыш! Крыса шмыгнула острым носиком.— Кыш, чтоб тебя! Сверкнув бусиной глаза, крыса подошла ближе. Она совсем не боялась Петера, и надо отдать должное крысиной проницательности: испугаться бродягу-лютника сейчас могла разве что мокрица, выбравшаяся из щели меж камней. Длинный и голый хвост волочился по полу, выражая живейший интерес к узнику замка Хорнберг; лоснилась серая шерстка, а морда заострилась от дружелюбия. Слепой поймет: в этих казематах крысы питаются славно, чтоб не сказать — жируют...»

© Олди Г. Л., 2003

© Автор, 2003

Генри Лайон Олди

Рука и зеркало

«Но, господин мой, – возразил капитан, – откуда вы можете знать, что ваша рука находится там?» – «Я знаю, – только и ответил рыцарь. – Моя судьба там!»

После этих слов он упал в обморок. А солдаты, отправившись в указанное место, с удивлением обнаружили железную руку своего господина спокойно лежащей на столе. При этом капитан отметил в донесении, что владельцы дома – пожилые супруги – были найдены мертвыми в своей спальне, причем у них на горле явственно проступали синяки от удушения».

Максимиллиан Шварц.
Тайны замка Хорнберг

*Рука сжимает горло
Отраженья:
Одно неосторожное
Движение —
И в зеркале оскалится не-я...*

Ниру Бобовай

– Кыш!

Крыса шмыгнула острым носиком.

– Кыш, чтоб тебя!

Сверкнув бусиной глаза, крыса подошла ближе. Она совсем не боялась Петера, и надо отдать должное крысиной проницательности: испугаться бродягу-лютниста сейчас могла разве что мокрица, выбравшаяся из щели меж камней. Длинный и голый хвост волочился по полу, выражая живейший интерес к узнику замка Хорнберг; лоснилась серая шерстка, а морда заострилась от дружелюбия. Слепой поймет: в этих казематах крысы питаются славно, чтоб не сказать – жируют.

– Кыш, зараза!

Обидевшись, крыса удрала в угол, где сидели Ганс Эрзнер и его мальчик. В профиль мерзкий грызун напоминал молодого барона Фридриха: радушие с клыками, гостеприимство с подвохом, и все мелкое, мерзкое, противное... Волею судьбы оказавшись в Байройте, пожалуй, самом дорогом городе Баварии, Петер Сьядек к концу первой недели прожилась вчистую, мыкаясь по кабакам и сочиняя похабные куплеты за миску кислой капусты. Клянчить подавание мешала совесть, а досточтимые байройтцы с удовольствием слушали песни и даже плясали под лютню бродяги свои скучные танцы, но, увы, – позже выяснялось, что кошельки они неизменно забывали дома. Надо было уходить – быстро! не оглядываясь!.. – да только Петер повернул ногу, спасаясь от злобного пса, и теперь изрядно хромал. Требовались новые струны; «Капризная Госпожа» намекала также на приобретение запасного ремня, ибо старый протерся у пряжки, грозя лопнуть в любой момент.

Ну и последней каплей бед оказалось участие Петера в высокоморальном диспуте, когда бродячий проповедник Михель Фрейд на площади Оловянной Трясогузки пустился в рассуждения: «Могут ли девицы и женщины без греха и угрызений совести показываться на улице и в церквах с обнаженной шеей и раскрытой грудью?»

– Могут-могут! – крикнул рядом со Сьядеком какой-то мерзавец и удрал, а Петер с тех пор заимел славу распутника.

Даже кличку подвесили: Петер Блуд.

Поэтому встречу с тремя бравыми вояками из Хорнберга, сопровождавшими даму в черном, Петер воспринял как дар судьбы. Его досыта накормили, позволили играть что угодно, выражая удовольствие буйными криками, похабщину не заказывали, и даже попросили на бис сыграть «Канцону о пряничном домике» задом наперед, то есть от конца к началу. Просьбу Сьядек воспринял как вызов своему мастерству и исполнил в наилучшем виде. Дама в черном благосклонно кивнула, старший из вояк отозвал лютниста в сторонку и предложил посетить замок его господина. Молодой барон, дескать, меценат и покровитель разного рода искусств. Минезингеров золотом осыпает.

О замке Хорнберг говорили разное. Большею частью прохаживались насчет старого барона – нет, не так! – Старого Барона, ибо тот, скончавшись восемь лет назад в страшных муках, коих никто не видел, но все о них знали, окончательно сделался легендой. Обладатель железной руки, ползающей ночами с целью взять кого-нибудь за глотку, искатель древних капищ и знаток кошунственных обрядов, чернокнижник и колдун, разбойник и мятежник, грабитель с большой дороги и завзятый острослов, скончавшись восьмидесяти двух лет от роду в собственной постели, при большом скоплении чудес, чертей и сплетен, Старый Барон по сей день занимал умы всей Баварии. Говорили, что проклятый рыцарь облачен в доспехи и закутан в плащ из мрака, с заката до рассвета прогуливается по стене замка, а с первым лучом зари взмахивает мечом, скрежещет зубами и, стеная: «Прощай! Прощай! И помни обо мне!..» – растворяется в туманной дымке. Очевидцев этих прогулок было столько, что Петер иногда завидовал популярности мертвеца. Впрочем, лютниста занимало другое: как еретик, бунтовщик и пособник дьявола ухитрился благополучно дожить до преклонных лет, не попав под жернова знаменитой «Каролины», она же «Уголовно-судебное уложение императора Карла V», статья 44-я?

Последнее было куда изумительней, чем хоровод железных рук, танцующих на погосте, или явление призрака в соборе Св. Марка. Ведь, цитируя вышеупомянутую статью, сделка с дьяволом суть преступление исключительное, а посему для обвинения достаточно одних только слухов. Со слухами у чернокнижника все было в порядке давным-давно. Если бы за каждый слух платили пфенинг, подвалы замка ломились бы от сокровищ. А вот поди ж ты! – инквизиция его магическими изысканиями брезговала. И даже после Крестьянского Бунта, где рыцарь успел отличиться сразу с обеих сторон, предавая союзников с завидной легкостью, Хорнбергского владетеля вскоре опять взяли на имперскую службу.

Удача, знаете ли, девка со странностями.

Молодой же барон Фридрих, племянник Старого Барона, умершего бездетным, ничем особым не отличался. Не колдун, не забияка, мятежей избегал, грабить опасался, обе руки самые обычные, ноги тоже. Из «родимых пятен» в зачет мог пойти разве что год учебы в Виттенбергском университете, где юный Фридрих якобы отличился не тягой к знаниям, а знакомством с неким Мартином Лютером, по прозвищу Король, ославленным как «дважды семикратный еретик», но проверке это не поддавалось. Жил племянник Железной Руки уединенно, скромно, поводов для сплетен не давал, а значит, интерес к нему был лишь в связи с окаянным родством. Отчего ж не потешить скучающего дворянина музыкой и песнями?

«Потешил...» – мрачно думал Сьядек, вздрагивая от сырости.

По стене ползли грузные капли, похожие на слизней. За ними оставался мерцающий след. В крохотное оконце под потолком, утопленное в толще камня, заглядывал месяц. Влажная солома шуршала от сквозняка; этот шепот грозил свести с ума. Сьядек поминутно трогал лютню и вместо радости ощущал ужас. Почему не отняли? Почему оставили?! Если человека без малейшей причины, обещая отвести в комнату для ночлега, бросают в темницу, – как не отнять у бедолаги великое сокровище, его «Капризную Госпожу»? Или решили запятать лютню насмерть тюремной сыростью?! А ведь все складывалось наилучшим образом: барон изволил хлопать в ладоши, дама в черном кивала, улыбаясь под вуалью, потом заказала «Дожд-

ливую Чакону» Найзидлера, но снова задом наперед, и по завершении одарила виртуоза серебряной солонкой в виде корабля. Кто ж мог знать, что ужин закончится казематом...

Писк крысы, в котором слышался удивительный, противоестественный восторг, отвлек от грустных мыслей. Взглянув в угол, Петер обнаружил, что мальчик Ганса Эрзнера держит грызуна за шкурку и внимательно смотрит крысе в глаза. Малыш, худышка лет семи-восьми, был сухоручкой, но это отнюдь не мешало его правой, больной, руке справляться с крысой. Пальцы клещами вцепились в складку шкуры на загривке, морда крысы скалилась вплотную к малоподвижному, туповатому лицу ребенка, – самое странное, крыса при этом не пыталась вырваться или укусить наглеца. Она извивалась едва ли не сладострастно, словно щенок под лаской хозяина, и писк выражал райское блаженство.

Петер не удивился.

Малыш за время заточения трижды ловил крыс, подолгу глядя им в глаза, потом отпускал и замирал в прежней позе. Сам же Ганс относился к проказам дитяти равнодушно. Видимо, привык. Этого огромного, костистого старика бродяга заметил еще во дворе замка: Ганс выходил из замковой часовни, держа ребенка за плечо. «Каждый год является, – буркнул старший вояка, шагая рядом с лютнистом. – Как лето на перелом, так он шаст в Хорнберг! Полдня в часовне сидит. Небось за душу покойного хозяина молится. При Старом Бароне в доверенных слугах числился, сызмальства. Молодой-то его прогнал взашей, вот и злобствует...» Съядек обратил внимание, что дама в черном тоже пристально разглядывает Ганса, будто встретив давнего, успевшего забыться знакомого, но вуаль мешала разоблачить: хмурится дама или просто сосредоточена.

– Ганс Эрзнер, – наконец сказала дама. Имя на ее губах скрипело и лязгало; Петеру вдруг почудился отголосок битвы.

Лютнист вздрогнул, а дама добавила совсем туманно:

– Ясный Отряд Оденвальда. Значит, судьба...

Когда Съядека бросили в каземат, Ганс с ребенком уже были там.

Отпущенная на волю крыса уходить не желала. Ребенок пнул ее ногой, обутой в грубый башмак. Куртка, одолженная Гансом, свалилась с плеч, и старик заботливо укутал мальчика по новой. Месяц в окошке вымазал лицо ребенка белым гримом, превращая жертву в карлика-фигляра. Вдалеке громко выла собака.

– Крыс хватать нельзя, – сказал Петер невпопад. Хотелось живым голосом хоть чуть-чуть заглушить гнусный вой. – Укусят, будешь знать. Или чумой заразишься.

От каменного истукана проще было бы добиться ответа, чем от малыша.

– Ты что, совсем не боишься?

Тишина. Капает вода. Воет собака.

– Немой он у тебя, что ли? – спросил Петер старика. – Или слабоумный?

– Не твой, – внятно ответил мальчик.

Ганс лишь улыбнулся: сам видишь...

– Сын? Внук? Приемный?

– Внук. Грета скончалась родами, вот он со мной и остался. Одни мы на свете. Барон умер, Грета умерла, а он родился. Ночь была такая... Кому смерть, кому жизнь. Темная, значит, ночь.

– А правда, что ты у Старого Барона в доверенных ходил?

– Ходил, – на лоб старика напозла тень, растекаясь в морщинах. – Еще с Франконии. Когда монастырь Аморбах грабили, барон меня и приблизил. За бывшие заслуги. Это ведь я ему руку отрубил, под Нюрнбергом...

– Ты сумасшедший? – равнодушно осведомился Петер. Сидеть в темнице с безумцем – верней, сразу с двумя безумцами! – было не страшно. Умирать, и то было не страшно. Куда страшней выглядела неизвестность, хлопая в ночи кожистыми крыльями.

- Да, – согласился Ганс Эрзнер. – Я сумасшедший. Это все знают.
- Не все. Я не знал.
- Хочешь, расскажу?

За время дальнейшего рассказа мальчик не проронил ни слова. Зато поймал еще пять крыс.

* * *

Сухая гроза шла от Байройта к Хорнбергу, обугливая небо поцелуями. Вечер сторал в пламени страсти. Так любят старики: без слез, без рыданий, редко падая на колени, измученные костогрызом, но молча и страшно выгорая изнутри от позднего пожара. Шальная молния ударила в матерый бук у подножия холма, служившего замку основанием; подсвечен снизу живым факелом, Хорнберг напоминал шута-урода, когда тот подносит свечу к подбородку. Впадины бойниц, щербатые челюсти стен, главная башня вытягивает шею, пытаясь оглядеться в сумерках, и долина внизу корчится от ужаса под взглядом дракона.

А за дверью кричала Грета.

Меряя шагами коридор, Ганс Эрзнер старался не думать о дочери. Лучше о сухой грозе. О дьявольском наваждении, идущем по следу жертвы с неотвратимостью своры легавых. Гром и молния, издевательски лишенные дождя, – ливня! потопа! воды, живой и клокочущей!!! – преследовали Ганса Эрзнера с самого детства. Сын оружейного мастера из Нюрнберга, он был еще подростком, когда сухая гроза пала на город. Вместе с ней пришел Старый Барон. Впрочем, в те дни никто не вздумал бы назвать Хорнбергского владетеля старым. С юных лет переходя от одного князя к другому, меняя сюзеренов как перчатки, предавая курфюрстов в угоду герцогам, барон полагал вассальную клятву не более чем средством заработка. Буйные попойки и разбой на дорогах являлись смыслом его жизни. Однажды имперский суд рискнул было привлечь сумасброда к ответственности за нарушение земского мира, но рыцарь расхохотался в лицо судьям, заперся в неприступном родовом замке и плевал со стен на все обвинения, пока дело не заглохло само собой. На следующий год, словно желая сквитаться, Старый Барон принялся грабить нюрнбергских купцов, чтобы позже, в запале жадности, осадить город. Насмерть испуганному Гансу выдали из городского арсенала протазан, тяжелый и ржавый, сын оружейника трясся от страха у южных ворот, стуча зубами, вместе с прочими ополченцами, пока створки не сдались на милость тарана.

Господь водил рукой юноши.

Один-единственный раз, ополоумев в горячке боя, Ганс Эрзнер успел махнуть протазаном, прежде чем упасть под копыта коней.

Рядом с ним упала десница в латной перчатке.

Город выстоял. Раны зажили, страх забылся, но никто не верил Гансу, что это именно он искалечил барона фон Хорнберга. Люди, если их не ткнуть хорошенько носом в сердцевину чуда, обычно бывают поразительно близоруки. Да и приписать спасение Нюрнберга какому-то прыщавому недорослю – это, знаете ли, слишком. Спасителей оказалось много, они делили славу и золото, их любили женщины, ими восхищались дети, а значит, глупому Гансу не было среди них места.

Он не настаивал.

Помогая отцу разрабатывать колесный замок для пищалей, Ганс радовал семью молчаливостью и усердием. Это он подсказал размещать курок с ввинченным куском серного колчедана за сквозной полкой, чтобы спуск происходил в сторону стрелка, а не в обратную, как раньше. Новый замок почти никогда не давал осечки; к сожалению, кое-где новшество попало под запрет как опасное. Тогда Ганс предложил отцу наладить производство ладенбухсов – двух – и трехствольных аркебуз. И не ошибся: заказы посыпались градом.

– Кого ждешь? Мальчика? Девочку?

Нагловатый вопрос конюха Эрнста, прозванного Дылдой, разрушил воспоминания. За дверью кричала Грета. Гром кашлял за холмом. Рыжий и пьяный, конюх ухмылялся прямо в лицо, дыша гнилыми зубами.

– Мне все равно. Лишь бы родила.

– Во-во! Лишь бы внука, правильно?

В словах Дылды крылась гнусная насмешка. Грета выросла недалеко, простоватой, можно сказать, слабоумной девицей, после смерти матери неотлучно находилась рядом с отцом, не мечтая о женихах, – и ребенка нагуляла невесть от кого. Многие терялись в догадках, раздавая лепестки чужой невинности направо и налево; в подозреваемых хаживал даже Старый Барон, но сукин сын конюх твердо полагал отцом будущего дитяти именно Ганса. Дескать, блудливый папаша при взгляде на дочернюю прелесть не утерпел. Развязал, значит, поясок. Дважды Эрнст был крепко бит Гансом за подобные намеки, отчего лишь утвердился в своем мнении.

– Пошел вон, скотина!

– Ну-ка, ну-ка, мне бы внука! – запел Дылда треснутым басом, удаляясь.

Догонять насмешника Ганс не стал. Лишний раз почесать кулак о толстый затылок сквернавца – удовольствие из последних. Присев на табурет у окна, старик закрыл глаза. Возраст. Проклятый возраст. А надо жить, надо поднять ребенка на ноги, кто бы ни родился, надо следить за бедняжкой Гретой, которая боится всего на свете: крыс, ящериц, молний... Мысли свернули в накатанную колею: сухая гроза, гром без дождя. Второй раз сухая гроза настигла Ганса Эрзнера в дни Крестьянского Бунта. Отец к тому времени скончался, за ним ушла матушка, самого Ганса судьба завертела в диком танце и выпустила лишь в Ясном Отряде Оденвальда. Бывший оружейник плохо понимал, с чего бы это ему обретаться меж бунтовщиков, но с судьбой спорить – себе дороже. А вскоре случилось невозможное: Ясный Отряд возглавил барон фон Хорнберг, рыцарь-мятежник.

Опытный солдат, барон мигом превратил толпу в войско.

Он даже принял активное участие в составлении «Декларации двенадцати статей», выражавшей чаяния восставших. Вскоре Ясным Отрядом был взят штурмом и разграблен монастырь Аморбах. В темном небе полыхали молнии, раскаты сотрясали дубовую рощу у реки, но ни капли не упало на разоренную обитель. Настоятель рыдал, молился, пытался укрыть от захватчиков хоть что-то из имущества, наконец спрятал под рясу серебряный кубок, но фон Хорнберг заметил это, отобрал кубок и заявил, ударив монаха кулаком в грудь:

– Полноте, святой отец! Берите пример с меня! Я неоднократно терял все, однако, как видите, не унываю! Человек способен привыкнуть ко всему!

Отнятый кубок барон подарил стоящему рядом бунтовщику.

Молодому человеку по имени Ганс Эрзнер.

Ганс не успел опомниться, как стал доверенным слугой рыцаря. Единственный из отряда, он сопровождал обозы с добычей в Хорнберг, где следил, чтоб сокровища зарыли в специальных тайниках. Часть свидетелей по приказу господина Ганс убил собственноручно. Казалось, дареный кубок перелили из Иудиных тридцати сребреников, чтобы спустя много лет купить душу никому не известного нюрнбергца. Всякий раз, находясь рядом с бароном, он трясся от ужаса, пред которым страх во время осады Нюрнберга смотрелся мелким, дрянным страшишкой. Узнал? Вспомнил? Ласкает, чтоб больней ударить?! Рыцарь привечал новоиспеченного фаворита, щедро одаривал из награбленного, в шутку заставлял носить модные шаровары, иначе плудерхозе, мешком свисавшие между ног, и громко пел «Новую жалобную песнь старого немецкого солдата на мерзкую и неслыханную одежду – шаровары». Ганс подпевал, а рыцарь дружелюбно хлопал слугу по плечу...

Рукой хлопал. Правой. Железной.

Которая отлично умела не только ласкать, но и рубить наотмашь.

Ганс смеялся в ответ. Кланялся, скрывая истинные чувства. Сын оружейника и сам оружейник, за два года бунта он изучил протез до мельчайшей детали. Рыцарь словно нарочно подсовывал железную руку под нос слуге, давая взглядеться. Большой палец протеза, похожий на крюк или коготь, был закреплен намертво, а остальные четыре пальца неведомый мастер приспособил для попарного движения. Каждая пара – безымянный и мизинец, указательный и средний – имела возможность последовательно закрепляться в четырех различных положениях при помощи рычажка на запястье.

Если Старый Барон и прикасался к этому рычажку, то в шутку.

Рука слушалась хозяина, будто верный пес.

Примерно в это же время Ясный Отряд заполучил Черную Женщину. Ведьма благословляла мятежников, заговаривала от клинков и стрел, насылала порчу на врагов, – частенько Ганс видел, как колдунья вспарывает животы убитым дворянам, желая заполучить человеческий жир для своих противоестественных надобностей. При встрече с бароном Черная Женщина всегда старалась погладить его железную руку. Если удавалось прикоснуться щекой к металлу, колдунья целый день выглядела счастливой. Рыцарь не мешал ей, относясь к странной причуде с присущим фон Хорнбергу юмором, еще более черным, чем одежда ведьмы. Много времени барон проводил в палатке чертовки, ведя беседы с глазу на глаз, и Ганс старался в такие дни находиться подальше от хозяина.

Вскоре барон без зазрений совести предал Ясный Отряд, выторговав амнистию у командующего имперской армией. Вернувшись в замок под домашний арест, он взял с собой Ганса. Куда пропала ведьма, никто не знал.

– Чего сидишь? Сбегал бы в Укермарк, за повитухой!

Теперь воспоминаниям помешала кухарка, Толстуха Магда. Добровольно взяв на себя труды повивальной бабки, она выпила слишком много пива, чтобы действительно быть полезной роженице. Вся дворня Старого Барона страдала запоями. Трезвому трудненько сохранить ясность рассудка в таком месте, как Хорнберг, особенно по ночам, когда в любом шорохе тебе чудится рука из металла, ползущая к твоей глотке. Хотя надо отдать должное: в самом замке никогда не происходило никакой чертовщины. Ганс это знал лучше прочих. Единственный, кто знал и не пил. Остальные начинали с утра. Барон прощал челяди мелкие слабости, бранясь редко и без последствий; сейчас же, состарившись, но пребывая бодрым, он и вовсе махнул рукой на эпидемию пьянства.

– А ты?! – рассердился Ганс. – Ты на что, дурища!

Магда колыхнула умопомрачительной грудью:

– Ну, тогда сиди! Авось яйцо снесешь!

– Ну и сiju...

– Чурбан! Дождешься, помрет девка!..

– Я уйду, а она родит...

– Дурень! Оглобля рябая! Ей еще рожать и рожать...

Вскоре Ганс Эрзнер, вооружась закрытым фонарем, шел в направлении Укермарка. До деревни было меньше часа пешего ходу. За спиной, уже неслышно, кричала Грета. Над головой, в надвигавшейся тьме, хохотал гром. Бок о бок шла память.

Пять лет барон фон Хорнберг жил под тяжестью взыскания. Имперским указом ему было запрещено ездить верхом, покидать границы майората и выходить ночью из дома. Окунувшись с головой в местные стычки и разбой, рыцарь тем не менее ухитрился указ блюсти в точности: грабил днем, ходил пешком и нападал на проезжих исключительно в границах родовых владений. Видимо, за послушание бывший военачальник мятежников вскоре оказался снова на службе империи, разъезжая по государственным делам от Гента до Мюнхена, по дубовой Тюрингии, сосновой Саксонии, бузинной Вестфалии и хмельной Баварии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.